

Владимир Рудерман

Мне день и ночь еще лететь до Умлюбова,
Билет счастливый подвернулся, наконец,
Друзьям палом послесный тост за стоиловой боча,
Пусть их хранит край пересаженных сердец.
И не довел свой градус дара до позавра,
Хоть дорожка похмельная прокрадывалась ввз,

Их ищешь там же на карте Умлюбова,
Не сбыв с себя в вагоне пересажива,
С друзьями и восторгам, и восторгам,
Жизнь и восторгам, не парав так много,
Мне не по нраву ваша расовая зона,
Где расовой земли и восторгам,

Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,

Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,

Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,

Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,
Там забывай за свой счет парею и восторгам,

18+

Владимир Рудерман Шилибар, или Край пересаженных сердец

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58878249

Шилибар, или Край пересаженных сердец [Стихи] / В. Рудерман:

Филингъ; Москва; 2020

ISBN 978-5-9216-0235-9

Аннотация

В ваших руках новый сборник стихов врача и поэта Владимира Рудермана на разные темы о главном...

Владимир Рудерман более двадцати лет живёт и работает на Святой земле, но его творчество неразрывно связано с Россией.

«Шилибар» – это воображаемое место на карте и точка невозврата, где автор ищет гармонию для себя и читателей. Мы меняемся, движемся, развиваемся, по мере сил, воплощая мечты в реальность, просто живём. Мы не лишние люди «плоской планеты» наших грёз. Но иногда хочется остановиться и понять происходящее, чтоб идти быстрее к намеченным целям, реализуя своё предназначение.

«Шилибар» – книга, написанная врачом, которому каждый день приходится решать задачи, связанные с лечением и восстановлением душевного и физического здоровья пациентов.

Автор рекомендует не относиться к себе слишком строго, «просто жить, а не искать как надо», привносить изменения по мере сил, двигаясь по течению жизни. Юмор помогает выжить и исправить наше восприятие окружающего. Уметь шутить над собой – великий дар, научить шутить над собой других – мастерство.

«Поэтическая психология» Владимира Рудермана заставляет задуматься о тривиальных вещах. Стихи о нас, о времени, о проблемах, о страхах, о радости и о любви. О простом и банальном из суеящегося «человейника» наших взаимоотношений. Мы находимся в плену слетающих с губ фраз, которые откликаются в сердце и остаются в нём навсегда, подгоняя к чему-то неизведанному и сокровенному.

Содержание

Дорогие читатели!	6
Самый ближний от сердца отель	9
«А давай убежим с карантина...»	10
«Я осознал, как точит ветер пирамиды...»	12
«Всё в прошлом, милая, всё в прошлом...»	14
«Час двадцать три, не пишется о главном...»	16
«Эгоизм маразма, лайкнул свой же пост...»	18
«Я полюбил страну печальных лиц...»	19
«Сны в три Ди формате – женщина с кровати...»	21
«Твой самолёт забрал кусочек неба...»	22
«О на такая из себя вся поэтесса...»	24
«У мчался внедорожник мой в горы до весны...»	26
«Мы с вами попробуем вряд ли...»	27
«Стихи не падают с окошка серых сплетен...»	29
«Она совсем другая Анна... из предсказуемых потерь...»	31
«Выгорает судьба-неудачница...»	33
«Вам захотелось почитать свои творенья...»	35
«Она давно уже по статусу москвичка...»	37
«Я не нашёл себе приятнее досуга...»	39
«Она глотает риталин без остановки...»	40

Владимир Рудерман Шилибар, или Край пересаженных сердец. Стихотворения

Дорогие читатели!

В ваших руках новый сборник стихов врача и поэта Владимира Рудермана на разные темы о главном...

Владимир Рудерман более двадцати лет живёт и работает на Святой земле, но его творчество неразрывно связано с Россией.

«Шилибар» – это воображаемое место на карте и точка невозврата, где автор ищет гармонию для себя и читателей. Мы меняемся, движемся, развиваемся, по мере сил, воплощая мечты в реальность, просто живём. Мы не лишние люди «плоской планеты» наших грёз. Но иногда хочется остановиться и понять происходящее, чтоб идти быстрее к намеченным целям, реализуя своё предназначение.

«Шилибар» – книга, написанная врачом, которому каждый день приходится решать задачи, связанные с лечением и восстановлением душевного и физического здоровья па-

циентов. Автор рекомендует не относиться к себе слишком строго, «просто жить, а не искать как надо», привносить изменения по мере сил, двигаясь по течению жизни. Юмор помогает выжить и исправить наше восприятие окружающего. Уметь шутить над собой – великий дар, научить шутить над собой других – мастерство.

«Поэтическая психология» Владимира Рудермана заставляет задуматься о тривиальных вещах. Стихи о нас, о времени, о проблемах, о страхах, о радости и о любви. О простом и банальном из суестьегося «человейника» наших взаимоотношений. Мы находимся в плену слетающих с губ фраз, которые откликаются в сердце и остаются в нём навсегда, подгоняя к чему-то неизведанному и сокровенному.

«Шилибар» состоит из четырёх разделов: лирика, медицина, философия и юмор. Смена ритма, внутренней музыки, рифмы, стиля и сочетания выражений – всё это создаёт ощущение неповторимости и несхожести почерка Мастера. Здесь каждый может начать чтение с полюбившейся ему темы.

В данное издание также включены несколько стихотворений, которые особенно полюбились читателю из четырёх ранее опубликованных сборников: «69 осколков смысла», «Рецепторы души», «За третьей дверью» и «Приют откровений».

Поэт часто навещает Россию в поисках новых форм самовыражения в творчестве. Его поэзия продолжается и в «ред-

костный» год карантин и масок, превращаясь в вакцину человечности, разума и любви. Он посвящает эту книгу самым близким ему людям – супруге, сыновьям, родителям и своим учителям, без которых было бы невозможно выразить на чистом листе весь объём нахлынувших чувств о добром и вечном...

«Шилибар» есть в каждом из нас, и он у каждого свой... А для тех, кто поменял своё место на глобусе или в системе координат духовных и житейских ценностей, он ещё стал «краем пересаженных сердец».

А какой он для вас? Об этом вы непременно узнаете, дочитав до конца...

Автор будет рад получить отзывы и рецензии читателей на электронную почту: vlarudol@gmail.com или на свою страничку в Фейсбуке Vladimir Ruderman.

Приятного чтения. Мы благодарим всех и желаем каждому непременно найти что-то только своё между строк, чтобы однажды проложить «свою дорожку в Шилибар»...

От издательства

Самый ближний от сердца отель

*Самый ближний
от сердца отель...*

«А давай убежим с карантина...»

А давай убежим с карантина,
В самый ближний от сердца отель,
Пусть найдёт для побега причину
Потерявший нас грустный апрель.
Надоели суровые сводки
И воздушные капли квартир,
Исчерпал все запасы я водки,
Уж пора открывать двери в мир.
Не ищи благодушных извилин,
Каждый будет по-своему прав,
От любви я и страха наивен,
С золотых созерцая оправ.
Мы проскочим посты и заставы,
Поменяем свои имена,
Не по нраву мне здешние нравы,
Не вписался я в их времена.
А давай мы начнём всё сначала
И сдадим наш обратный билет,
Хоть и шансов у нас слишком мало,
Но у тех, кто остался, их нет.
Пусть хранит нас от бед антивирус,
Соблюдая дистанцию тел,
Я ему посвятил свою лиру,
Оказавшись опять не у дел.
Переждём катаклизмы порока

В нашем выбитом в скалах раю,
Обручён я пожизненным сроком
Быть с тобою на самом краю...
Остановим любовью лавину,
Чтоб украсить мечты акварель,
Лишь бы нам убежать с карантина
В самый ближний от сердца отель...

«Я осознал, как точит ветер пирамиды...»

Я осознал, как точит ветер пирамиды,
И от песка с пустынь мельчает гордый Нил,
Лишь тянут нити бесполезные флюиды,
Те, по которым я тебе не позвонил.
Я разучился понимать слова и жесты,
Где годы чувства конвертируют в металл,
И на своём сижу прокуренном я месте,
И не жалею, что остался и отстал.
Вновь не нашёл тебя среди имён знакомых,
Лишь масколицые куда-то там снуют,
И стал давно и нереально невесомым,
А вот весомые меня не узнают.
Всё пропускаю изысканий остановки,
Чтоб на извилине вписаться в поворот,
И обмываю постаревшие обновки,
Тусуя карты из проигранных колод...
Привычно брать взаймы любовь второго сорта,
Сливая чувства на перо сухих чернил,
От зоны доступа всё больше дискомфорта
И тянет к тем, кто никогда б не позвонил.
Опять избавился от старого блокнота,
То поднимаюсь, то лечу с крутых вершин...
Так и живу в плену душевного цейтнота

И вечных поисков лекарства от морщин...

«Всё в прошлом, милая, всё в прошлом...»

Всё в прошлом, милая, всё в прошлом,
Последний гвоздь вбит в табурет,
Не дайте памяти нарочно
Морочить вам остаток лет.
Добавьте утренней прохлады
В своих историй резюме,
А ваших слёз, увы, не надо
Ни вам, ни уж, конечно, мне.
Запала клавиша рояля,
Сыреет порох под запал,
Тепло лишь дарит одеяло
И переводы на PayPal.
Там у приморского бульвара,
Печальным взглядом Кара-Даг
Твердил про то, что мы не пара,
Любви не выпал добрый знак.
Лишь запах скошенной соломы
Гнал лошадей в ночную степь,
Мы оказались невесомы,
Порвав любви печальной сеть.
Качали волны пирс под нами,
И грозный ветер парус рвал,
Казались дни блаженства снами,

В ночной спускаясь карнавал.
Сошлись желанья и предлоги,
И шар земной катил к весне,
С тех пор ищущу я к вам дорогу,
По вашей заплутав вине.
Судьба пошла с козырной масти,
Не изменив лишь ваш портрет,
А время гонит наши страсти,
Туда, где нас давно уж нет.
То вас люблю, то ненавижу,
Жизнь – интереснее кино,
Молюсь за вас в чужом Париже,
Надеюсь, всё сложилось, но...
Безумным, правильным и пошлым
Я спрятал в память наш секрет,
Всё в прошлом, милая, всё в прошлом,
Последний гвоздь вбит в табурет.

«Час двадцать три, не пишется о главном...»

Час двадцать три, не пишется о главном,
Из шкафа рукопись раздует в топке жар,
Опять не мой тот жанр эпистолярный,
Пока над крышей закрутился жёлтый шар.
Час двадцать три, задёрнутые шторы
Растянут ночь на несколько минут,
Не совпадают моей матрицы миноры,
Сбивая рельсы на проверенный маршрут.
Час двадцать три, я взорванный реактор,
Во мне горят сто тысяч Хиросим,
Я сам себе читатель, критик, автор,
И с миром связь моя лишь картой-сим.
Час двадцать три, пришла и отогрела,
Повесив гордые упрёки на крючок,
Глаза светились, хоть душа ревела,
Пока скулил невнятное сверчок.
Час двадцать три, мне с ней совсем неплохо,
Химеры веры рвут последний шанс,
А я долью до донышка из штофа,
Чтоб мои думы шли транзитом в транс.
Час двадцать три, и всё назад, как прежде,
Скрипит, пружиня, хрупкая кровать,
Вы отдались иллюзиям невежды,

Он вас научит сердцу нагло врать...
Час двадцать три, судьбой категоричной,
Размазан стих на высохший сухарь,
Сложилось всё для счастья в жизни личной,
Лишь ноги рвутся к свету на фонарь...

«Эгоизм маразма, лайкнул свой же пост...»

Эгоизм маразма, лайкнул свой же пост,
Утекает плазма с клеток на погост,
Плитка шоколада в мой серотонин,
Да следы помады с равнодушных спин.
Шелестит валюта над приютом лжи,
Счастье почему-то не под точкой G.
Было очень тяжело, выпил и забил,
На лице подтяжка выбилась из сил.
С ней умчался в лето, вам оставив лёд,
Знаю, до рассвета это всё пройдёт,
Пробивает стены страсти резонанс,
Вздулись шеи вены в утренний альянс.
Разыгрались волны об моё окно,
Я живу по полной, хоть вступаю в дно,
И давно не пара мне её каприз,
Уж такая кара – с ней то вверх, то вниз.
Без причины ломка, завернулся в плед,
Ищет незнакомка мой забытый след,
Прошлого не буду всуе ворошить
И её забуду, чтобы просто жить...

«Я полюбил страну печальных лиц...»

Я полюбил страну печальных лиц,
Улыбок злых сорвавшегося слова,
Дверей стальных неведомых границ,
Где всё так просто, трепетно, сурово.
Я полюбил волны морской разбег,
Простор души под камнем травертина,
И с синих гор упавший в пропасть снег,
И небеса под цвет аквамарина.
Я полюбил дешёвый оптимизм,
Полёт мечты гранёного стакана,
Особый путь в забытый дуализм
Согласно чину, должности и клану.
Я полюбил хрусталь застывших слёз,
И ветра свист, что гонит птичьи стаи,
Да ровный стан нетронутых берёз,
И тех, кто мог, но всё-таки не стали.
Я полюбил ниспосланную грусть,
Тень куполов разрушенного Храма,
Упавших листьев благодушный хруст
И запах грёз душевного бальзама.
Я полюбил симфонии дождей
Под стук колёс железного вагона,
Тех, кто успел хоть что-то для людей,
А не по букве торжества закона.
Я полюбил безумство и надлом,

И райский сад в оправе водопада,
Где вечный путник смог построить дом,
Чтоб просто жить, а не искать, как надо...

«Сны в три Ди формате – женщина с кровати...»

Сны в три Ди формате – женщина с кровати,
Женщина с кровати рассосалась, кстати.
Унеслась в окошко в розовом халате,
Выпив на дорожку самогон в томате.
Простыня в попкорне, жму свой пульт сердито,
Проживу бесспорно, ею не убитый,
Достаю биткоин из коры, из серой,
Я с утра спокоен безутешной верой.
Стукнула кукушка в заспанное темя,
Задушил подушкой я пустое время,
Докатил на тачке день на автомате,
Свежую заначку жук прогрыз усатый.
Раб категоричный для её каприза,
В жизни моей личной скомкана реприза,
Стала абонентом для меня доступным,
Шлю ей фильмы в ленту с нами планом крупным.
Закрутилось лето в янтаре балтийском,
Кончилась монета отношеньям близким,
Карту проглотила дырка в банкомате,
А она так мило рассосалась, кстати...

«Твой самолёт забрал кусочек неба...»

Твой самолёт забрал кусочек неба,
Изрезав вены горькой полосой,
Я положил на рюмку ломтик хлеба,
Погнав старуху с острою косою.
Стучали стрелки вечность ожиданья,
И закрывали рейсы облака,
Всего лишь час до нашего свиданья,
Ещё всё можно изменить пока...
Расставит разум верные акценты,
Кричащий голос перешёл на хрип,
Разбилось счастье на свои моменты,
И чёрный ящик к истине прилип.
А без тебя всё спишется, сотрется,
Любовь изменит скорби колорит,
И лишь весна во мне уж не взорвётся,
Когда металл упавший догорит.
Уходит в цель безумная ракета,
Срезая жизни, словно скальпы нож,
И чья-то правда с губ сорвётся где-то,
Пока слова найдёт тупая ложь.
Ты надо мной взлетишь и улыбнешься,
Поняв души раздавленной секрет,
А я всё жду, что ты с небес вернёшься,

Ведь без тебя меня давно здесь нет...

«О на такая из себя вся поэтесса...»

О на такая из себя вся поэтесса,
Хоть одиночество рифмует всякий вздор,
Два раза в год летает Тель-Авив – Одесса,
Чтоб отыскать среди трущоб забытый двор...
Она прогнала от себя зануду – скуку,
И чайкой белой рвёт волнистый горизонт.
Ей по приморскому гулять приятно к Дюку,
Успев укрыться от дождя под чей-то зонт.
Ей улыбаются болезненные лица,
Сменив подтяжки на морщинистые лбы,
Далече те, с кем сердцу хочется напиться,
Пройдясь по клавишам ниспосланной судьбы.
Её дорожка сшита светлым гобеленом,
Хоть ночь продавит ностальгии гордый ком...
Как много тех, кто был когда-то важным членом,
Да вот душа в набат ударила облом...
За ней в Аркадию пришлют Отели-Гранды
Такси воздушное под цвет пленящих глаз,
Давно уплыл её моряк в пустой шаланде,
Хоть продолжает сниться ей в который раз.
Она найдёт в тени аллея свою отраду,
Чтоб злая осень не катила по прямой,
Я отпустил её без боли, раз так надо
Ей иногда, чтоб возвращаться, быть одной...
Она позвонит и меж паузами вдоха

Начнёт раскачивать разлуки провода...
А я сыграю роль простившего всё лоха,
Когда она опять вернётся навсегда...

«У мчался внедорожник мой в горы до весны...»

У мчался внедорожник мой в горы до весны,
Свободным стал художник, свои рисуя сны,
Стал подходить критично без жалости совсем
К материи вторичной да к тем, кто глушит в семь.
Продал свои колёса с коробкой передач,
Я сам себе философ теории удач,
Оставил на ночь веру, лишь ей безумно рад,
Чтоб не заполз в пещеру ко мне сомнений гад.
Вне доступа и связи, оторвана педаль,
Семнадцать дней по грязи оставил мне февраль.
Диктует всякой хрени заточка-карандаш,
Всё ищет приключений год несчастливый наш.
Есть пара банок пива, сегодня снова пить,
Себя подшил я криво, чтоб ту, с кем был, забыть.
На мне судьбы ошейник затянут под размер,
Я здесь простой отшельник, на ставку лицемер.
Пробился луч поддатый сквозь каменную щель,
Открыл мне доступ в чаты развеселивший хмель.
Спустился я по маслу с обледеневших гор,
Ведь знаю, где-то счастье здесь бродит с давних пор...

«Мы с вами попробуем вряд ли...»

Мы с вами попробуем вряд ли,
Заглох у меня интернет,
Вам близок по климату Адлер,
И сайт, где меня-точка-нет.
За вами сбежавшее море
Целует приморский бульвар,
А я ухожу снова в горы,
Где с губ сходит искренность в пар.
Вам льстят быстрокрылые чайки,
Ведя вашу яхту в закат,
И шлют незнакомцы вам лайки,
Мечты взяв мои на прокат.
От вас запах свежей сирени
В оправе листвы золотой,
А я погружен в царство лени
Транзитом в далёкий застой.
Сложилось так славно и круто,
Три ночи на всё включено,
Закрыл нас от всех Роза-Хутор,
Дав главные роли в кино.
Вас тянет пропавшее лето
И гальки горячей покой,
А я с пирса кину монету,
Чтоб к вам прикоснуться рукой.
Сбежала волна в лунном свете,

За гавань разбившихся шхун,
Я скрылся на плоской планете
Налево от башни Ахун.
Любовь зажигает без спички,
Ласкает и бьёт по вискам,
А мне бы на ту электричку,
Что мчится до станции к вам...

«Стихи не падают с окошка серых сплетен...»

Стихи не падают с окошка серых сплетен,
Им чужда мелочность сиюминутных нот,
На них рубцы незатянувшихся отметин,
Крест на извилине и взбитый с кровью пот.
В них разделённая любовь над грязью жлобства,
Заточки совести бесцельных дней в глуши,
И всплеск раздутого упрямством неудобства,
Перо, упавшее в чернильницу души.
Стихи – размытая дорога в царство фальши,
Предел надрыва, что скатился за порог,
Там всё, что было, есть и будет с нами дальше,
Те, кто отдал себя и кто отдать не смог.
В них позабытые и глупые уроки,
И откровений неприкаянный приют,
Ведь люди, в сущности, слепы и одиноки,
И об одном всегда по-разному поют.
Стихи свидания с собою напроорочат
И с дней лихих развеют муть, убогость, пыль,
В них спит бессонница влюблённой белой ночи,
Где луч фантазий изменяет злую быль.
Там чувство меры рвёт химеры повторений,
И эхо выдавит из сердца в бездну крик,
Чтобы остался в нас навечно добрый гений,

И описал в словах пришедшей музы лик...

«Она совсем другая Анна... из предсказуемых потерь...»

Она совсем другая Анна... из предсказуемых потерь,
За ней четыре чемодана...

в глазок прикинул я сквозь дверь.

Стучит надменною рукою и разрывает в клочья ночь,
Решил, что ей я не открою, поймет сама и свалит прочь...

А за окном цыганит стужа, и гнутся палки фонарей,
Ушла в который раз от мужа дорожкой принципов своей,

Её в порыве откровений я пригласил на кружку в паб,

Я не пишу стихотворений для потерявших разум баб.

Костюм спортивный наизнанку, два левых тапка на
носок,

Чуть не успел закончить пьянку, мир одиночества
жесток.

К замкам добавил я цепочку и отключил свой аппарат,

Я думал, что поставил точку, пускай другой ей будет рад.

А утром выдохнул будильник застрявший в горле
перегар,

Заполнен старый холодильник и завтрак, словно божий
дар,

На полке сушится посуда, и не считает капли кран,

Она пришла из ниоткуда в мой неприметный балаган.

Я ущипнул своё сознание и повернул на тёплый бок,

Проспал удачно наказанье, хотел быть с нею, видит Бог.

Вернуться снова обещала, поверив в свой самообман,
И все колёса обломала, вкатив последний чемодан...

«Выгорает судьба-неудачница...»

Выгорает судьба-неудачница,
Перевёрнутым к облаку дном,
Промелькнула бесстыжая пятница,
Все дорожки сведя в гастромом.
Наступила на душу без повода,
Из пакета налив свой этил,
Два конца оголённого провода,
Сквозь себя за неё пропустил.
А она вся улыбкою щурится,
Поднимая за здоровье тост,
Может после с другим окочурится,
У меня только вширь нынче рост.
Рвутся нити по шву и по времени,
Не хватает надежных заплат,
Да кредиты бьют палкой по темени
Незаметных за лупой зарплат.
День закрылся угрюмыми тучками,
И смеётся дождем невпопад,
Накосячил, ежа съел с колючками,
Не выходит и колется гад.
Лето к морю колесами катится,
Отутюжив колдобины в гладь,
Раздружился я с теми, кто плачется,
Каждый ищет свою благодать.
Две луны раскачали околицу,

Руки в помощь походке чудной,
Кто-то свечку поставил и молится,
А кому-то ещё по одной.
Жёлтый шар в моё зеркало пялится,
Чтоб пропасть над морской волной,
Промелькнула бесстыжая пятница, —
У неё вновь свиданье со мной.

«Вам захотелось почитать свои творенья...»

Вам захотелось почитать свои творенья,
Иглу поставив граммофона на винил,
Я не нашёл причины для сопротивления
И согласился, в чём себя потом винил...

Ко мне приблизились на расстояние вдоха,
Зубами щёлкая подвешенный язык,
И получалось так нелепо, глупо, плохо,
И мой порыв на ваш перформанс как-то сник...

Вы словно бабочка влететь в меня хотели,
Уже не помню, что я там у вас просил,
И отрешённо выразительно шипели,
Когда кивал, не находя для злобы сил...

Овал лица вам портил третий подбородок,
Но пальцы жирные листали рукопись,
А я с рождения так «телигентно» робок,
С тем и живу, хоть лбом в молитве расшибись...

В стихах вас кто-то очень твёрдо домогался,
За что карьерой и рассудком пострадал,
А я смотрел и эмпатично улыбался,

Введенье кончилось, хореем заморгал.

Вы перекрыли путь от шкафа мне к дивану,
Я нервно гладил под столом тяжёлый том,
Тот негодяй от вас сбежал, оставив рану,
Его я понял, и завидовал потом.

Однажды вечером талант на вас свалился,
Его признал солидно выпивший сосед,
К вам приставал... вы отказали... застрелился,
Уж лучше так, чем разделить остаток лет...

Потом психолог чем-то был вам интересен,
Лечил вас долго от каких-то мнимых бед,
И целый мир его души так был вам тесен,
Наверно, деньги заставляют слушать бред.

Вдруг что-то случилось с моею головою,
Так захотелось снова выиграть джекпот,
Летела книжка в вас с раскрытою главою,
Вы замолчали и лицом ушли в компот.

Во всём признался и раскаялся я после,
Прислав в палату с извиненьями букет,
Теперь по записи ко мне стучатся гости,
И я их ставлю сам на хрупкий табурет...

«Она давно уже по статусу москвичка...»

Она давно уже по статусу москвичка,
Хоть при сомнительных надеждах и делах,
Рассталась с бывшим и заглядывает в личку,
Чтобы решить, кого оставить или нах...
Она проскочит до шести в свою больницу,
Успев попить остывший кофе за рулём
И полюбила законную столицу,
Что вечно гонится за проклятым рублём.
Она сама создаст и разрешит проблему,
Кидая в прошлое румяное лицо,
И на рубцах поставит время – доктор клеммы,
Забанив годы в обручальное кольцо.
Блудливый месяц отыскал её на карте,
И опыт горький сладких мыслей натворит,
Она не празднует своё 8-е марта,
Ей и в другие дни судьба благоволит.
Я с ней меж улиц и домов не разминуся,
Ей так хотелось от себя ко мне сбежать,
И чтобы кто-то к телу телом прикоснулся,
Устав педаль судьбы на газ бездушный жать.
Она смывает грязь просроченных желаний
И набивает в трубку пошлости табак,
И одиночество с ней ладит в личном плане,

Сменив порядок на случайных встреч бардак.

«Я не нашёл себе приятнее досуга...»

Я не нашёл себе приятнее досуга,
Чем ручку двери от заразы протирать,
Пора держаться нам подальше друг от друга,
Чтоб в чёрный ящик в этой пляске не сыграть.
Не трогай старые измятые купюры,
И маску плотно натяни на длинный нос,
Замерь истерике своей температуру
И пожужжи под ухо стае диких ос.
Прерви и вычеркни случайные визиты,
Маршруты скорбные ушедших выходных,
Так повелось, что выживают паразиты
По нашей карте обнулённых проездных.
Ты подчинись судьбы ниспосланной рутине,
И руки нежные живой водой умой,
И жди в ватсапе сообщений о вакцине,
Шагая в гордом одиночестве домой.
Ты подливай себе волшебного этила,
И открестись от желтолицых колдунов,
Любовь воздаст тебе всё то, о чём просила,
Разрушив вируса цепочку до основ.
Мы так зависимы от взбалмошного ветра,
Что насадил нас на закрученный шампур,
Но я пройду к тебе оставшихся два метра,
Чтобы закрыть наш мир от серых амбразур.

«Она глотает риталин без остановки...»

Она глотает риталин без остановки
И пьет текилу под раскуренный гашиш,
И отказать в рецепте ей мне так неловко,
Когда о жизни с ней в окошко говоришь.
Она скучает по сомнительным экстазам
И опускает годы в выцветший ликёр,
И между нами что-то вдруг возникло сразу,
Хоть переписку от греха её я стёр.
Она мне шлёт свои распущенные фото,
И оставляет недвусмысленный намёк,
Мне с ней откинуться и убежать охота,
Хоть от неё я непростительно далёк.
Меня волнуют её новые наряды
И линзы серые в зелёные глаза,
След поцелуя перламутровой помады
И ноги стройные, что рушат тормоза.
Она играет по ночам на фортепьяно
И на метле летает над крутой луной,
Мы отыскали там приличную поляну,
Где наш джетлаг желал бы выпить по одной.
Она сошла ко мне по лестнице порока,
И, излечившись от навязчивых идей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.